

Сергей Матросов

Матросов Сергей Валерьевич родился 16.03.1981 в Верхней Туре. В 1996–2000 гг. учился в Верхнетуринском механическом техникуме по специальности «технология машиностроения». Стихи начал писать в 1992-м. В 2000–2002 гг. служил в ВДВ Российской армии. Работал уполномоченным ОВД г. Кушва (2002–2003). С 2003 г. работает сотрудником личной охраны. Публиковался во многих изданиях. Лауреат нескольких литературных премий. Автор трех книг стихов: «Эшафот» (Нижний Тагил, 2000, 300 экз.), «Дом прокаженных» (Нижний Тагил, 2003, 300 экз.), «Стихи» (М.: «Фонд русской словесности», 2006, 1000 экз.). Участник АСУП-3. Живет в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов С.М.

Традиции, направления, течения: модернизм, постмодернизм, метареализм (метаметафоризм), барочность, фольк-арт.

Основные имена влияния, переклички: А. Башлачев, Ю. Казарин, О. Арефьева, О. Медведев, Б. Рыжий.

Основные формальные приемы, используемые автором: сложная метафора, ассоциативность, фольклоризм, эмблематичность, метатекстовость, поток сознания, не прямое высказывание, приемы самоустранения автора текста.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: демиургичность, процесс создания текста, измененные состояния тел и форм, звук, воздух, кровь и кровеносная система, образы птиц.

Творческая стратегия: мифотворчество в тексте.

Коэффициент присутствия: 0,34

АВТОБИОГРАФИЯ

В маленьком портовом уральском городе Верхняя Тура, где я родился, никогда ничего не происходит. Поэтому местная власть развлекает народ

самыми хитроумными способами: то переименует центральный судоходный канал имени Байрона в канал Фрезеровщиков-карусельщиков, то на месте готического собора задумает возвести Диснейленд-на-Костях, то просто, забавы ради, месяцами не выдает зарплату работникам градообразующего оборонного хрусталеварного заводика, выпускающего добротные мясорубки. Детство мое прошло в поисках кладов на прибрежных скалах и галечных пляжах. Бывало, найдешь клад и бежишь в магазин за зелеными томатами и березовым соком, потому что ничего другого там не было. Нет, была еще ламинария, но ее за еду вообще никто не считал, кроме обитателей местной кентавровой фермы. Школы я не помню, потому что сбежал с уроков в порт и смотрел на бригантины. Рыбачка Марина, как-то в мае, пообещала выйти за меня замуж, когда я подрасту, а когда я подрос, ее бездыханное тельце с видимыми признаками насильственной смерти нашли в сточной канаве, поэтому женитьба моя – со всей присущей случаю мишурой – была отложена на многие лета. В одиннадцать лет я отправился на обряд инициации в хирургическое отделение местной больницы, где мне по древним верхнетуринским обычаям оттяпали аппендикс. Мой сопалатник, местный китобой, сказал, что аппендикс увезли на больничную свалку, где по ночам ходят девки и собирают отрезанные мужские органы. В ту ночь я долго не мог уснуть и написал свое первое стихотворение, в котором были волны, и соловьи, и отзвуки пережитого наркоза, и слезы мексиканских красавиц из сериала «Богатые тоже плачут», на который сбежалась вся больница, и пациент Осип, в приступе черного хаоса и черного сна каждую ночь выбрасывающийся из окна. Как-то раз, меланхолично прогуливаясь по берегу, я забрел в подпольную оппозиционную шахматную секцию, где, быстро смекнув, что к чему, овладел навыками размена фигур, взятием на проходе и другим не менее грязным приемчиком. А еще мы с дедом ходили за грибами. Наберем полные корзины поганок, придем домой, выкинем их с балкона и сидим такие усталые, но счастливые. Затем я поступил в местный орнитологический техникум, где готовили специалистов по джиуджитсу, икебана и макраме. На занятиях ученики развлекали друг друга скабрёзными хокку и игрой в го. Однажды преподаватель эсперанто, старая и мудрая вдова, которую все боялись, взяла и сделала за меня дипломную работу. А еще напоила меня каркаде с марципанами и сказала, что эсперанто не знает даже она, а я рожден совсем для другого. Этот урок я усвоил на всю жизнь. Служить в армии я не хотел, поэтому, прикинув-

шись идиотом, издал сборник стихов, который быстро разошелся на самокрутки среди рыбацья и портовых шлюх. Единственный в городе профессиональный литератор, поэт-ипохондрик Ретроградов, высоко оценил мои сумбурные вирши, называл меня протуберанцем русской поэзии и в пьяном бреду водил за руку по улицам и представлял прохожим как собственного сына, что совсем не мешало ему на следующий день строчить обо мне гнусные памфлеты на передовицу местной газеты «Хрустальный Кентавр». В армию меня таки забрали – в гвардейские воздушно-десантные войска, где я постиг в совершенстве швейное мастерство и науку проламывать головы подручными средствами, а также узнал о теории перпендикулярно-параллельности окружающего мира и феноменальной оптической иллюзии под названием «звездопад», возникающей при правильном контакте кухонного черпака в руках духовного наставника и определенных точек лобной кости ученика-звездочета. Благодаря врожденному актерскому таланту, дипломатическим способностям, умению строить козни и прочим выкрутасам, я дослужился до старшего сержанта и каптерщика медицинской роты, что давало преференцию в торговле камуфляжной одеждой, постельным бельем, просроченными витаминами и стероидами. После армии, осознав, что на одной ловле гиринохейлусов и тетраодонов много не заработаешь, я поступил на службу в органы внутренних дел и стал участковым. Участок мне достался тихий и спокойный, только иногда мужчинка какой-нибудь малохольный на чужой супружнице скончается от усердия или один сосед другому ноги топориком отрубит, но были и отъявленные мерзавцы, ворующие из сараек у достойных пенсионерок банки с драгоценными огурцами. До всех этих событий мне дела особого не было, так как я в это время занимался сочинительством второй книги и всех обратившихся с заявлениями воспринимал как будущих сюрреалистических персонажей. Изрядно поисчерпав вдохновение, я растерял всяческий интерес к работе и, чтобы не утратить эпистолярные навыки, писал заявления самому себе и опрашивал выдуманных пострадавших и не менее выдуманных свидетелей, чем изрядно улучшил раскрываемость и статистические показатели всего отдела. Еще с босоного детства леляя мечту о работе вышибалой в стриптиз-клубе, в один прекрасный день я решил ее осуществить. Для этого я переехал в город Ебург, потому что в моем родном городе не было ни стриптиза, ни клубов – только кентавровая ферма и общественная баня, да и та работала только по выходным, когда суровые верхнетурицы возвращались со своих имбирных полей и топинамбурных плантаций. И так, постажировавшись полгода на строй-

Мама, Матросова Вера Ивановна

ке, я занял вождеденное место у входа в аморальное заведение. И была музыка, и была страсть, и вождедение, и содрогание, и похоть, и проверки прокуратуры, когда я прятал самых юных танцовщиц в подвале, и сожженное авто хозяина клуба. Когда все утихло, я изящным баттерфляем выплыл из небытия, окончил курсы создателей иллюзии безопасности и – с пистолетом в одной руке и карабином в другой – был приставлен к криминальному авторитету. Через несколько лет, обнаружив, что очередь из жаждущих его преждевременной кончины заметно поредела, авторитет, словно тусклый призрак, растворился в эфире, оставив меня в ожидании звонка торчать в богом забытой коммуналке, где в комнатах царит человеческий сквозняк, пахнет уксусом и горелой стряпней, всюду валяются чуркистанские дети и постирушки, на кухне толпятся фляги, а в сортире заперт чревоушатель, который сутки напролет гадит и смывает, смывает и гадит, и снова смывает, смывает, смывает и утробным баритоном поет «Лишьтолькоподснежник»...